

оригинальная статья

Понятие интеграция мигрантов в российских концепциях миграционной политики: к вопросу о концептуальных основах

Горбунова Екатерина Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург

<https://orcid.org/0000-0002-8504-4349>

savirtes@gmail.com

Поступила 21.02.2023. Принята после рецензирования 13.09.2023. Принята в печать 13.09.2023.

Аннотация: Попытки концептуализировать процессы интеграции мигрантов в обществе регулярно сталкиваются с критикой внутри академического сообщества. Характерно, что у основного термина – интеграции – не существует общепринятого определения. В статье предлагается анализ российской политики в сфере интеграции мигрантов. Цель – уточнить значение термина *интеграция*, а также сопоставить теории интеграции с практическими мерами, реализуемыми в данной сфере. Проведен теоретический анализ, раскрывающий определение понятия *интеграция* и его концептуальные основы, а также показывающий некоторые противоречия его использования в политическом дискурсе и научной литературе. Сформулировано понятие интеграции как включения индивида в структуру социальных связей некоего принимающего сообщества. С помощью метода контент-анализа рассмотрено употребление понятия *интеграция* в основополагающих документах российской иммиграционной политики. Сделано заключение о существовании пробелов в российской иммиграционной политике. Возникающий разрыв между проводимой иммиграционной политикой и реалиями существования мигрантов мешает эффективному включению мигрантов в российское общество. Решение проблемы требует тесного сотрудничества между различными акторами иммиграционной политики, включая некоммерческие гражданские организации.

Ключевые слова: иммиграция, интеграция, интеграция мигрантов, иммиграционная политика, интеграционная политика, государственная политика

Цитирование: Горбунова Е. А. Понятие *интеграция мигрантов* в российских концепциях миграционной политики: к вопросу о концептуальных основах. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 292–300. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-292-300>

full article

Migrant Integration in Russian Migration Policy: Conceptual Framework

Ekaterina A. Gorbunova

St. Petersburg University, Russia, St. Petersburg

<https://orcid.org/0000-0002-8504-4349>

savirtes@gmail.com

Received 21 Feb 2023. Accepted after peer review 13 Sep 2023. Accepted for publication 13 Sep 2023.

Abstract: Attempts to conceptualize the integration of migrants in society regularly face criticism within the academic community; the term *integration* does not have a generally accepted definition. The article offers an analysis of Russian migrants integration policy. The purpose of the study is to clarify the meaning of the term *integration*, as well as to compare integration theories with practical measures of immigrant integration. The authors define the concept of integration, explore its conceptual foundations, and shed light on some contradictions of its use in political discourse and scientific literature. The concept of integration is defined as the inclusion of an individual in a certain host community's social ties structure. Using the content analysis method, the article considers the place of integration concept in the fundamental documents of the Russian immigration policy. The authors conclude that the Russian integration policy has its faults. There is a gap between the integration policy and the realities of the migrants' existence, which prevents the effective inclusion of migrants in Russian society. Solving the problem requires close cooperation between various actors of migration policy, including non-profit civil organizations.

Keywords: immigration, integration, integration of immigrants, immigration policy, integration policy, state policy

Citation: Gorbunova E. A. Migrant Integration in Russian Migration Policy: Conceptual Framework. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(3): 292–300. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-292-300>

Введение

Интеграция иммигрантов – это одно из ключевых понятий в исследовании миграционных процессов. Миграционные потоки могут оказывать как негативное, так и позитивное влияние на общество. Иммиграция может являться источником высококвалифицированных специалистов, финансового и культурного капитала. Но иммиграция также несет в себе различные социально-экономические и политические риски, такие как межэтнические конфликты, экономическое расслоение, социальное неравенство и, как результат, социальное напряжение.

В этом контексте интеграция иммигрантов рассматривается как необходимое условие для минимизации социальных рисков, вызываемых миграцией. Лишь при создании работающих механизмов натурализации и адаптации мигрантов принимающая страна может извлекать пользу из миграционных потоков. Напротив, провалы миграционной политики ведут к маргинализации мигрантов и росту ксенофобии, неизбежно повышая конфликтостенный потенциал принимающего общества.

Однако, несмотря на то, что значимость интеграции мигрантов для успешного регулирования принимающей страной миграционных потоков и сопутствующих им социальных вызовов неоспоримо, конкретное содержание и меры интеграционной политики оставляют пространство для дебатов. Поэтому представляется важным уточнение смысла понятия *интеграция*, а также сопоставление теории интеграции с практическими мерами в данной сфере.

Теоретические основы

Под интеграцией мигрантов в академическом дискурсе может подразумеваться либо процесс включения мигрантов в общественную жизнь принимающей страны, либо государственная политика, направленная на вовлечение мигрантов в общественную жизнь и решение социальных проблем, вызванных миграцией. Исследователи миграции, как правило, выделяют 4 основных модели включения мигрантов в принимающее общество: сегрегация, мультикультурализм, ассимиляция и интеркультурализм.

Под сегрегацией подразумеваются действия, направленные на развитие иммигрантских сообществ через их собственные институты, отличные от институтов принимающего сообщества. Данный подход способствует сохранению культуры иммигрантов,

однако фактически ограничивает возможности мигрантов по участию в жизни общества.

Мультикультурализм стремится сохранить разнообразие культур, но включает целенаправленные действия государства по управлению мультикультурными отношениями [1; 2]. Данный подход отказывается от создания отдельных институтов в пользу развития инклюзивных практик в уже существующих институтах.

Ассимиляционная модель фокусируется на необходимости привлечения мигрантов к господствующей культуре принимающего сообщества с тем, чтобы они могли адаптироваться и полноценно участвовать в жизни общества [3; 4]. Данный подход требует от мигрантов отказаться от своих культурных особенностей ради адаптации к институтам принимающего общества.

Интеркультурализм, так же как и мультикультурализм, стремится сохранить различные мигрантские культуры и даже рассматривает в культурном многообразии возможность выработать чувство общей принадлежности [5]. В отличие от мультикультурализма, который стремится включить иммигрантов в принимающее сообщество через признание различий и отличительных культурных практик, интеркультурализм также делает акцент на общих ценностях и уважении общего наследия.

Попытки концептуализировать процессы интеграции мигрантов в обществе регулярно сталкиваются с критикой внутри академического сообщества [6; 7]. Характерно, что у основного термина *интеграция* не существует общепринятого определения. Даже в научном сообществе понимание его содержания может меняться в зависимости от того, обращаемся мы к европейской или американской традиции, не говоря уже о том, что в политическом дискурсе словом *интеграция* могут обозначаться абсолютно противоположные по целям и методам политики.

Более того, сама концепция интеграции часто подвергается критике со стороны исследователей. Например, В. Шинкель подчеркивает, что идея интеграции нарушает социальное единство, поскольку создает и подчеркивает противопоставление между обществом и *иммигрантским сообществом*, в результате чего иммигранционная и интеграционная политика зачастую становятся инструментом исключения людей из общества за счет использования моделей управления, построенных на групповых различиях [6]. В этом смысле интеграция как категория

государственной миграционной политики и как категория социологического анализа могут отличаться. Более того, на практике государственная политика может приводить к обратным результатам и мешать интеграции иммигрантов [8].

Данная критика, впрочем, не подразумевает отказа от использования термина. Скорее необходимо осознать, что понятие *интеграция* может применяться как механизм государственной политики, оперирующий этнокультурными различиями для определенных государственных целей [9]. Данное определение помещает интеграционную политику в широкий контекст политических институтов и дискурсов, отражая многообразие возможных политических целей, методов и оснований, на которых опирается интеграционная политика. Таким образом, принимая во внимание критику, направленную на политизированность концепции интеграции, становится возможным разделить интеграцию как категорию анализа и как практическую категорию, которой оперируют в политическом дискурсе.

При этом ключевой проблемой, которая стоит перед исследователями в области иммиграции и интеграции иммигрантов, является не запутанность и многомерность предмета исследования, а его тесная связь с идеологией и государственной политикой. Многие категории анализа и концепции в данной сфере являются одновременно частью политического дискурса. Поэтому крайне важно отделить научные термины от их политических коннотаций.

Помимо восприятия интеграции как политического механизма, ее также можно рассматривать как символическое включение иммигрантов в принимающее общество. Этот подход во многом основывается на идеях А. Хоннета, современного немецкого философа и социолога, продолжателя Франкфуртской школы, который сделал *признание* одной из основных концепций своей общественной теории. Согласно А. Хоннету, в основе социальных конфликтов лежит желание получить подтверждение *другим* моральных качеств, способностей и достижений, с которыми ассоциируют себя индивиды и группы [10]. Иными словами, разрешение конфликта возможно только тогда, когда признается значение определенной социальной группы для всего общества.

В рамках данного подхода исследователи обращают внимание на восприятие определенной группы мигрантов в обществе. Однако данную интерпретацию понятия *интеграция* нельзя считать точной, несмотря на то, что она предлагает интересные точки для анализа: символические жесты могут оказаться «пустыми» и не отражающими реальный

уровень включения той или иной группы в принимающее общество.

В целом у подходов, анализирующих взаимодействие различных этнических групп, есть значительные ограничения. Такие понятия, как *этническая принадлежность* или *этническая идентичность* крайне сложно использовать в качестве категории анализа [11]. Зачастую они оказываются слишком категоричными, упрощая то, как индивид видит самого себя: этническая принадлежность пересекается с другими аспектами идентичности, и принадлежность к этнической группе не обязательно имеет решающее значение для самовосприятия и поведения человека. В российской практике это зачастую выражается в проблемах во взаимодействии между представителями государства и диаспорами: хотя последние часто воспринимаются как важный посредник в интеграции мигрантов, у них есть свои экономические интересы, которые препятствуют работе по интеграции мигрантов.

Таким образом, указания на интеграцию определенной группы мигрантов или на межэтнические отношения в каком-либо регионе всегда будут неточными и неполными без учета целого ряда других факторов – экономических, социальных, политических. Однако если признать интерпретацию понятия *интеграция* через символическое включение в принимающее сообщество недостаточной для объяснения данного процесса, то вновь встает вопрос: что мы имеем в виду, когда говорим об интеграции мигрантов?

Социологическая интерпретации понятия *интеграция*

Термин *интеграция* изначально применялся вне контекста иммиграции или государственной политики. Считается, что он был введен в работах французского социолога Э. Дюркгейма в рамках исследования процесса социализации индивидуумов в обществе. Понимание интеграции Э. Дюркгейма подразумевает, что те, кто ею пользуется (будь то иммигранты, дети или любая другая социальная группа, проходящая процесс адаптации к социальной жизни), находят свое место в обществе, нации, институтах, чьи правила, нормы или ценности они принимают и усваивают [12]. При этом с социологической точки зрения понятие *интеграция* фокусируется как на сплоченности общества в целом, так и на поведении конкретных групп, признавая интегрирующую роль институтов вне государства [13]. Иными словами, в классическом понимании этого понятия, *интеграция* означает участие в жизни общества в различных его формах: через работу, образование, досуг, волонтерство, дружбу или семью.

В данной интерпретации речь идет о включенности индивида в социальный ландшафт принимающего общества. В контексте миграционной политики это означает появление у иммигранта прочных социальных связей в новой стране. Различные формы интеграции в данной интерпретации не предполагают участия государства, поскольку сосредоточены на горизонтальных отношениях между людьми, живущими в одном обществе. Более того, это определение не возлагает обязанность по интеграции исключительно на иммигрантов, а скорее представляет ее как взаимный процесс, в котором участвуют и иммигранты, и общество.

Существуют определенные элементы, которые являются частью идеи *хорошо интегрированной группы*. Можно выделить несколько векторов интеграции:

- социальная интеграция – происходит через формирование межличностных связей в принимающем обществе;
- экономическая интеграция – требует стабильной занятости;
- гражданская интеграция – подразумевает принятие ценностей принимающего общества [14, с. 11].

Последний вектор, противопоставляющий иммигрантов монолитному принимающему обществу, лишенному различий, представляет собой скорее идеализированное представление об иммиграции, чем реальный аналитический термин [7]. Тем не менее в государственном дискурсе об интеграции зачастую рассматривается только гражданская интеграция.

Основываясь на определении термина Э. Дюркгейма, А. Сайад отмечает абсурдность политического дискурса об интеграции, поскольку интеграция может быть лишь побочным эффектом действий, направленных на достижение других целей [15, с. 13]. Таким образом, политическое понятие интеграции, подчеркивая формальные критерии интеграции, скрывает несоответствие между обязательством интегрировать мигрантов, которое берет на себя государство, и реальными возможностями реализации этого обязательства. Важно также отметить, что различные направления интеграции независимы, не обязательно коррелируют друг с другом и поэтому не могут быть сведены к формальным критериям. Так, исследования восходящей мобильности мигрантов показывают, что экономическая и культурная интеграция не обязательно влечет за собой социальную интеграцию [16]. Поэтому излишне оптимистично полагать, что включение в одно из общественных полей само по себе может обеспечить необходимую основу для полной и всесторонней интеграции иммигрантов. В. С. Малахов отмечает, что для анализа интеграционных успехов

важна совокупность различных сфер интеграции [17]. Среди российских исследователей интеграция также часто рассматривается как практическое использование усвоенных социальных норм в рамках правовых, трудовых, социальных и культурных отношений, являющееся вторым шагом после адаптации [18]. При такой трактовке интеграция становится одновременно и результатом успешного включения в принимающее сообщество, и процессом пребывания мигранта в новом обществе.

Наконец, Е. А. Варшавер определяет интеграцию как ре-категоризацию конкретных людей в пространстве атрибутов, указывающих на их *мигрантскость* и *местность* [19]. Такая концепция интеграции подчеркивает относительность интеграционного процесса, когда в каждом принимающем сообществе существуют свои стандарты принятия. Таким образом, мы вновь обращаемся не к формальным признакам принадлежности к гражданскому сообществу, а к социально опосредованному восприятию данных категорий. Более того, такая трактовка указывает на еще одну проблему определения интеграции как включения – такое определение оставляет неясным качество включения. Как отмечают Е. А. Варшавер и ряд других исследователей, в зависимости от конкретных признаков, определяющих категорию *местность* в том или ином обществе принятия, включение в структуры сообщества не обязательно означает восприятие иммигрантов как членов сообщества [14; 16; 19].

Мы предлагаем определить понятие *интеграция* как включение индивида в систему социальных, экономических и культурных связей принимающего сообщества в качестве полноправных членов данного сообщества. По нашему мнению, акцент на связях в данном определении интеграции позволяет уйти от излишнего формализма или размытости, вызванных помещением в центр интеграционного дискурса такого слабоизмеримого критерия, как ценности.

Переопределение интеграции через социальную сферу имеет прямые последствия не только на теоретическом, но и на практическом уровне. Сделав акцент на различных горизонтальных социальных связях, интеграционная политика отходит от формальных критериев интеграции мигрантов. В результате этого возникает необходимость учета различных социальных акторов в жизни иммигрантов, что, в свою очередь, требует активного сотрудничества государственных структур с неправительственными организациями в сфере интеграции, а также признания и поддержки такого сотрудничества на уровне государственной политики.

Однако *включение* все же оставляет место для терминологической неопределенности, поскольку оставляет открытым вопрос о том, как его измерить.

Как отмечал В. С. Малахов, такое понятие, как *неинтегрированный иммигрант*, невозможно, поскольку каждый человек в той или иной степени интегрирован в общество [17, с. 38]. Именно поэтому мы предлагаем на практическом уровне переформулировать вопрос инклюзии как вопрос доступа. Иными словами, политика интеграции должна обеспечивать иммигрантам доступ к ресурсам, услугам и инфраструктуре наравне с гражданами, а также доступ к правовой информации и процедуре получения нового правового статуса. Такая формулировка указывает на необходимость создания инфраструктуры, недостаточная развитость которой является давней проблемой российской интеграционной политики [20].

Российские концепции миграционной политики

Начиная с конца 1980-х гг. политика интеграции мигрантов стала активно обсуждаться в научном дискурсе. В это же время начинают оформляться различные концепции интеграционной политики, такие как республиканская модель, отрицающая деление людей по каким-либо критериям и провозглашающая равенство всех граждан (Франция); мультикультурализм, направленный на сохранение и сосуществование культурных различий (Канада, Австралия, Британия); интеркультурализм, который сочетает культурное многообразие и наличие общих ценностей (Квебек, Каталония). Параллельно с мерами по адаптации новоприбывших мигрантов и укреплению сплоченности общества во многих странах принимались программные документы и хартии, декларирующие основные принципы и концептуальные рамки интеграционной политики.

В отличие от зарубежных стран, давно разрабатывавших концепции интеграционной политики, в России политика адаптации мигрантов начала формироваться относительно недавно. После распада СССР интеграция мигрантов долгое время осуществлялась различными гражданскими и благотворительными организациями. На государственном уровне вопросы интеграции не рассматривались, несмотря на то, что Россия в короткие сроки стала региональным центром притяжения мигрантов. Лишь в 2012 г. проблема интеграции мигрантов была поднята в рамках концепции государственной миграционной политики России на период до 2025 г.¹ В 2018 г. была представлена измененная и дополненная концепция иммиграционной политики².

Перечисленные концепции рассматривали вопрос включения иммигрантов в принимающее общество. Тем не менее для основополагающих документов, призванных регулировать политику в отношении иммигрантов, они уделяют очень мало внимания интеграции и адаптации приезжих в российском обществе. Интересно отметить, особенно в сравнении с ранее упомянутыми мировыми концепциями интеграционной политики, что в указанных российских документах практически не определено, в каких концептуальных рамках существует российская интеграционная политика. В целом, интеграция иммигрантов упоминается 10 раз в первой концепции и 5 раз во второй.

Что касается контекста использования данных терминов, в концепции 2012 г. прямо отмечается отсутствие программ по интеграции и в целом проблемы с интеграцией мигрантов. 11 п. концепции прямо указывает, что меры по интеграции мигрантов являются необходимым элементом миграционной политики, без которых она не может отвечать потребностям общественного развития. Далее, в 17 п. отмечается, что пробелы в работе по интеграции мигрантов приводят к их изоляции и появлению иммигрантских анклавов. Таким образом, концепция однозначно устанавливает значение мер по интеграции мигрантов для успешной реализации миграционной политики.

Тем не менее концепция не дает определения понятиям *интеграция* и *адаптация*. При этом в документе предложены либо чрезмерно абстрактные формулировки (создание благоприятных условий для интеграции), либо исключительно формальные критерии интеграции, такие как сбор и подача документов в определенный срок. Отсутствие конкретных и практических интеграционных мер является несомненным препятствием для эффективной реализации иммиграционной политики. В целом концепция 2012 г. не предлагает конкретных, практических и измеримых шагов по обеспечению заявленных в документе целей.

Говоря о последующей концепции 2018 г., прежде всего важно отметить терминологический сдвиг: если в концепции 2012 г. термины *интеграция* и *адаптация* используются в паре друг с другом, то в более поздней версии концепции остался только термин *адаптация*. Можно предположить, что адаптация представляется составителям концепции более нейтральным термином. Однако речь идет исключительно о косметической замене, поскольку

¹ О Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. *Правительство России*. URL: <http://government.ru/info/20224/> (дата обращения: 11.12.2022).

² О Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг. (с изм. и доп.). Указ Президента РФ № 622 от 31 октября 2018 г. *СПС Гарант*.

контекст употребления данных терминов и вкладываемый смысл совпадают, несмотря на то, что все исследователи определяют эти термины по-разному. Интересно также отметить, что в концепции 2018 г. полностью убран раздел с определениями ключевых терминов.

Новая концепция делает заметный акцент на безопасности, контроле и пресечении нарушений, при том что данные вопросы практически не упоминались в предыдущей концепции. Вместе с тем из концепции исчезли отсылки на гуманитарные принципы миграционной политики, такие как соблюдение прав человека, недопустимость дискриминации, гармонизация интересов личности, общества и государства. Данные изменения отражают общий поворот к секьюритизации миграционной политики.

Под секьюритизацией политики здесь подразумевается культивирование такой позиции, при которой присутствие мигрантов воспринимается прежде всего как деструктивный и криминогенный фактор, представляющий угрозу национальной безопасности. Формируется силовой подход к миграционной политике как на федеральном, так и на региональных уровнях [21, с. 31]. При такой концептуализации миграции исключается сама постановка вопроса о соблюдении прав мигрантов [22], с чем и связан заметный сдвиг в языке второй концепции. Кроме того, вопросы интеграции и адаптации мигрантов уходят на второй план и теряют свою значимость, что выражается в снижении количества упоминаемых данных тем. Не случайно, что одновременно специалистами отмечается снижение качества российской интеграционной политики [23, с. 138].

Следует, однако, отметить, что в новой концепции более конкретно прописаны механизмы реализации миграционной политики, в которых, в частности, выделены ответственные акторы. Тем не менее концепция по-прежнему не определяет конкретных задач и шагов по реализации заявленных целей. Данный недостаток представляется существенным, поскольку на практике в рамках миграционной политики основное внимание уделяется различным мероприятиям культурной направленности, таким как культурные фестивали, которые не отличаются особой эффективностью [21, с. 32]. Иными словами, на уровне реализации миграционной политики не хватает мотивации и понимания того, как можно эффективно содействовать интеграции мигрантов.

Акцент на мероприятиях в сфере культуры также связан и со сложившимся восприятием интеграции как исключительно культурной проблемы. Дискурс вокруг вопроса предполагает, что интеграция равна принятию господствующих в принимающем обществе культурных ценностей. Эта позиция четко

выражена в обеих российских концепциях иммиграционной политики: например, действующая концепция 2018 г. называет изучение истории и культуры России одним из основных условий интеграции мигрантов.

Классические работы в этой области, наоборот, предполагают, что действительной основой и фундаментом интеграции мигрантов является появление новых социальных связей [12; 24]. Более поздние теории предложили рассматривать интеграцию в экономической, политической, культурной и социальной сферах жизни общества отдельно [25]. При этом одна лишь культурная интеграция не способна обеспечить успешное разрешение социального напряжения, связанного с миграцией. Наконец, последние исследования показывают, что даже люди, которые в целом успешно интегрированы и соответствуют представлениям о *хорошем иммигранте*, т. е. являются хорошо образованными представителями среднего класса, прошедшими культурную адаптацию, все равно могут чувствовать себя отстраненными и разочарованными из-за отсутствия возможностей для социальной интеграции [16]. При этом важно отметить, что экономическая интеграция и культурная адаптация могут быть достигнуты индивидуальными усилиями, в то время как социальная интеграция требует участия как иммигранта, так и принимающего общества.

Российские концепции иммиграционной политики, провозглашая необходимость интеграции иммигрантов, делают акцент на языке и ценностях как критериях интеграции, полностью опуская социальные и экономические соображения. Пренебрежение социальным измерением является одним из основных недостатков российской миграционной политики, который делает невозможной успешную интеграцию иммигрантов [26]. В результате, как отмечают социологические исследования, проведенные в среде мигрантов, российская миграционная политика скорее препятствует, чем способствует интеграции мигрантов [8].

Отсутствие комплексных программ интеграции является одной из важнейших проблем российской иммиграционной политики. Хотя иммиграция часто представляется решением российских демографических проблем, очень мало сделано для того, чтобы изменить восприятие мигрантов как краткосрочной рабочей силы. Трудовая иммиграция, как отмечает А. Саяд, представляет собой заманчивый образ для принимающей страны: доступ к дешевой рабочей силе без необходимости решать сопутствующие социальные вопросы. Однако подобное разделение между краткосрочной и долгосрочной миграцией в действительности является искусственным и не отражает реального положения

мигрантов [27]. Или, как выразился российский исследователь Д. Полетаев, дешевый труд мигрантов нужен экономике, но государство хочет уклониться от решения проблем мигрантов [28, с. 16]. Несмотря на то, что в Российской Федерации создан ряд центров по интеграции, объем предоставляемой помощи никак не соотносится с общим количеством мигрантов в стране.

Особенно острой является нехватка общегосударственной программы по интеграции детей-мигрантов. Дети-мигранты представляют одновременно и наиболее перспективную, и наиболее опасную группу. С одной стороны, иммигрантам, которые оказываются в России в детском возрасте, проще адаптироваться к новой культуре и языку. С другой стороны, у иммигрантов второго поколения, столкнувшихся с дискриминацией, может складываться негативное отношение к принимающему обществу [29], что приводит к росту градуса социального напряжения. Это определяет необходимость решения проблемы доступа детей-мигрантов к школьному образованию и создания программ по интеграции детей-мигрантов.

На сегодняшний день в России действует ряд общественных организаций, работающих с детьми мигрантов. Дети представляют собой наиболее охваченную поддержкой группу мигрантов. Однако объемы ресурсов некоммерческих организаций недостаточны для решения существующих проблем. Отсутствие государственных программ и государственного финансирования в этой сфере является существенным пробелом государственной иммиграционной политики.

Возможным способом решения проблемы могла бы стать совместная работа государственных структур с институтами гражданского общества и, в частности, с различными некоммерческими организациями, взаимодействующими с мигрантами. Агенты гражданского общества играют особую роль в процессе интеграции мигрантов, находясь «на земле» и лучше всего понимая проблемы и задачи, которые необходимо решить для обеспечения успешной интеграции. Вместе с тем такие организации являются наиболее уязвимыми акторами с точки зрения финансирования [30, с. 83]. Таким образом, эффективная интеграционная политика должна предполагать соединение понимания и навыков гражданских акторов с государственными ресурсами.

Сама по себе идея использовать некоммерческие организации для решения пробелов в государственной политике не нова. Данный подход, основанный на тесном взаимодействии государственных структур и гражданского общества, используется во многих европейских странах. Как отмечают исследователи, подобное взаимодействие может принимать

разные формы в зависимости от сложившихся политических традиций конкретных регионов и конфигурации политической арены – от горизонтального сотрудничества между разными акторами до установления вертикальной иерархии, формирующейся за счет использования системы государственного заказа [31].

Различные формы сотрудничества между гражданскими организациями и государственными структурами можно найти и в отдельных регионах Российской Федерации. Такие организации, как «ПСП-Фонд» или центр «Этносфера» регулярно взаимодействуют с государственными структурами на региональном уровне и оказывают экспертную поддержку. Однако подобные примеры скорее являются исключением, чем общепринятой практикой в российской действительности.

В отличие от России, в европейских странах действует сложившаяся система государственного заказа на деятельность некоммерческих организаций, дающая организациям возможность обеспечить свое стабильное существование. В России, напротив, гражданские организации, пытающиеся компенсировать пробелы в государственной политике, сталкиваются с нехваткой ресурсов и финансовыми проблемами. В результате многие организации, работавшие с мигрантами, поменяли деятельность с некоммерческой на коммерческую. За счет этого российскую интеграционную политику можно охарактеризовать скорее не как взаимодействие с гражданскими структурами, а как перекладывание ответственности.

Подобная форма работы с мигрантами не учитывается в российской иммиграционной политике, а ее применение и эффективность зависят от личной инициативы гражданских служащих на региональном и муниципальном уровнях. Для обеспечения эффективного взаимодействия между различными акторами, участвующими в процессе интеграции мигрантов, подобное взаимодействие должно быть отражено в основополагающих документах, а также в документах и положениях более низких уровней. Данный пробел в существующей политике мешает созданию системного и целостного подхода к интеграции мигрантов в России.

Таким образом, политика интеграции мигрантов в том виде, в котором она представлена в российских концепциях иммиграционной политики, не отражает ни теоретического понимания интеграции мигрантов, ни целей и задач, поставленных в концепциях. Иными словами, возникает разрыв между реализуемой правительством интеграционной политикой и реалиями существования мигрантов, который мешает эффективному включению мигрантов в российское общество.

Заключение

Интеграция является одним из центральных понятий в исследованиях иммиграции. Тем не менее это также одно из наиболее неопределенных и размытых понятий. Использование понятия *интеграция* в политическом дискурсе часто оказывается некорректным.

Если рассмотреть концептуальные основы понятия *интеграция*, то можно отметить, что данная концепция прежде всего подразумевает интеграцию в социальной сфере. Однако концепции российской иммиграционной политики не уделяют внимания ни социальному фундаменту интеграции мигрантов в принимающее общество, ни механизмам обеспечения указанной интеграции.

Таким образом, возникает противоречие между формальными признаками интеграции, закрепленными законодательно, и социальными связями, которые закрепляют иммигранта в принимающем обществе. Данный разрыв между культурным, социальным и экономическим пониманием интеграции является одним из пробелов в действующей иммиграционной политике.

Возможным способом решения указанного разрыва могла бы стать работа с институтами гражданского общества, в частности с различными некоммерческими организациями, взаимодействующими с мигрантами. Такое сотрудничество действительно существует в отдельных регионах Российской Федерации. Однако подобная форма работы с мигрантами не является частью иммиграционной политики; ее применение и эффективность зависят от личной инициативы гражданских служащих на региональном и муниципальном уровнях. Подобные пробелы в существующей политике мешают созданию системного и целостного подхода к интеграции мигрантов в России.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Kymlicka W. *Multicultural citizenship: a liberal theory of minority rights*. Oxford: Oxford University, 1996, 280. <https://doi.org/10.1093/0198290918.001.0001>
2. Taylor C. The politics of recognition. *Multiculturalism and the politics of recognition*, ed. Gutmann A. Princeton: Princeton University, 1994, 25–73.
3. Alba R., Nee V. *Remaking the American mainstream: assimilation and contemporary immigration*. Cambridge: Harvard University, 2005, 384.
4. Brubaker R. The return of assimilation? Changing perspectives on immigration and its sequels in France, Germany, and the United States. *Ethnic and Racial Studies*, 2001, 24(4): 531–548. <https://doi.org/10.1080/01419870120049770>
5. Zapata-Barrero R. Intercultural policy and multi-level governance in Barcelona: mainstreaming comprehensive approach. *International Review of Administrative Sciences*, 2017, 83(2): 247–266. <https://doi.org/10.1177/0020852315592962>
6. Schinkel W. Against "immigrant integration": for an end to neocolonial knowledge production. *Comparative Migration Studies*, 2018, (6). <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0095-1>
7. Joppke C., Morawska E. *Towards assimilation and citizenship: immigrants in liberal nation-states*. L.: Palgrave Macmillan, 2003, 252.
8. Urinboyev R. *Migration and hybrid political regimes: navigating the legal landscape in Russia*. Oakland: University of California, 2021, 184. <https://doi.org/10.1525/luminos.96>
9. Abdou L. H. Immigrant integration: the governance of ethno-cultural differences. *Comparative Migration Studies*, 2019, (7). <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0124-8>
10. Honneth A. *The struggle for recognition: the moral grammar of social conflict*. Cambridge: The MIT Press, 1995, 240.
11. Brubaker R., Cooper F. Beyond "identity". *Theory and Society*, 2000, 29(1): 1–47.
12. Parsons T. Durkheim's contribution to the theory of integration of social systems. *Emile Durkheim, 1858–1917*, ed. Wolff K. H. Columbus: Ohio State University, 1960, 118–153.
13. Schnapper D. *Qu'est-ce que l'intégration?* Paris: Gallimard, 2007, 256.
14. Vadot M. De quoi Intégration est-il le nom? L'importation d'une querelle de mots dans le champ de la formation linguistique des migrants. *Argumentation et Analyse du Discours*, 2016, (17). <https://doi.org/10.4000/aad.2228>
15. Sayad A. Qu'est-ce que l'intégration? *Hommes et Migrations*, 1994, (1182): 8–14.
16. Beaman J. *Citizen outsider: children of North African immigrants in France*. Oakland: University of California, 2017, 168. <https://doi.org/10.1525/luminos.39>

17. Малахов В. С. Интеграция мигрантов. Концепции и практики. М.: Либеральная Миссия, 2015. 272 с. [Malakhov V. S. *Integration of migrants: concepts and practices*. Moscow: Liberalnaia Missiia, 2015, 272. (In Russ.)]
18. Илимбетова А. А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021. № 2. С. 144–155. [Ilimbetova A. A. Adaptation and integration of migrants: conditions, goals, approaches. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*, 2021, (2): 144–155. (In Russ.)] https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_144_155
19. Варшавер Е. А. Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2023. Т. 25. № 2. С. 377–396. [Varshaver E. A. Integration of migrants through the lens of a constructivist approach to ethnicity. *RUDN Journal of Political Science*, 2023, 25(2): 377–396. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396>
20. Дмитриева Т. Н. О перспективах социокультурной интеграции вынужденных мигрантов. *Вестник Московского университета МВД России*. 2023. № 2. С. 61–63. [Dmitrieva T. N. On the prospects of socio-cultural integration of forced migrants. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, (2): 61–63. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-61-63>
21. Масленников В. М., Ачкасов В. А. Перспективы вовлечения институтов гражданского общества в осуществление этнической политики в Санкт-Петербурге. *Вопросы этнополитики*. 2019. № 2. С. 24–39. [Maslennikov V. M., Achkasov V. A. Prospects for the involvement of the civil society institutions in the implementation of ethnic politics in St. Petersburg. *Journal of Ethnopolitics*, 2019, (2): 24–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2658-7041-2019-2-24-39>
22. Осипов А. Г. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс. *Расизм в языке социальных наук*, ред. В. Воронков, А. Г. Осипов, О. В. Карпенко. СПб: Алетейя, 2002. С. 45–69. [Osipov A. G. Construction of ethnic conflict and racist discourse. *Racism in the language of the social sciences*, eds. Voronkov V., Osipov A. G., Karpenko O. V. St. Petersburg: Aletheia, 2002, 45–69. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sirvhd>
23. Паникар М. М., Соколова Ф. Х., Шапаров А. Е., Золотарев О. В., Капицын В. М. Механизмы интеграции иммигрантов в Норвегии и России: сравнительный анализ. *Арктика и Север*. 2019. № 35. С. 119–143. [Panikar M. M., Sokolova F. Kh., Shararov A. E., Zolotarev O. V., Kapitsyn V. M. Integration mechanisms for immigrants in Norway and Russia: a comparative analysis. *Arktika i Sever*, 2019, (35): 119–143. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.35.119>
24. Thomas W. I., Znaniecki F. *The Polish peasant in Europe and America*. N. Y.: Dover, 1958, vol. 1, 2250.
25. Gordon M. *Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origin*. N. Y.: Oxford University Press, 1964, 288.
26. Ачкасов В. А. Дилеммы иммиграционной политики России. *Власть и элиты*. 2014. № 1. С. 193–206. [Achkasov V. A. Dilemmas of the Russian immigration policy. *Vlast i elity*, 2014, (1): 193–206. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xiemtn>
27. Sayad A. *La double absence. Des illusions de l'émigré aux souffrances de l'immigré*. Paris: Le Seuil, 1999, 448. [Sayad A. *The suffering of the immigrant*. Paris: Le Seuil, 1999, 448. (In Fr.)]
28. Полетаев Д. В. Мигрантофобия и миграционная политика. *Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика*, отв. ред. В. И. Мукомель. М.: Academia, 2014. С. 5–19. [Poletaev D. V. Xenophobia and migration policy. *Migrants, xenophobia and migration policy*, ed. Mukomel V. I. Moscow: Academia, 2014, 5–19. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jubmkk>
29. Wimmer A., Soehl T. Blocked acculturation: cultural heterodoxy among Europe's immigrants. *American Journal of Sociology*, 2014, 120(1): 146–186. <https://doi.org/10.1086/677207>
30. Малахов В. С. Интеграция мигрантов как административная проблема: опыт Евросоюза. *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 1. С. 77–87. [Malakhov V. S. Immigrants integration as an administrative problem: the case of the European Union. *World Economy and International Relations*, 2015, (1): 77–87. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tkgrmp>
31. Campomori F., Caponio T. Immigrant integration policymaking in Italy: regional policies in a multi-level governance perspective. *International Review of Administrative Sciences*, 2017, 83(2): 303–321. <https://doi.org/10.1177/0020852315611238>